

НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ираклий

АНДРОНИКОВ

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ГОД миновал, памятник поэту в Москве установлен, открыт, пора, наконец, подвести итог юбилею. Появилось много новых работ. Среди них «Судьба Лермонтова» Эммы Герштейн — книга необыкновенно талантливая и весьма необычная. Необычная прежде всего потому, что она создавалась почти тридцать лет и являет собою творческий подвиг. Об этом покуда еще не сказано, но сказать надо.

В юности Эмма Григорьевна Герштейн не готовилась к занятиям историей русской литературы. Во всяком случае окончила Московский университет по факультету общественных наук, и довольно долгое время работа ее не имела с литературой ничего общего. В 1935 году, прочитав в одном из наших журналов статью профессора Б. М. Эйхенбаума «Основные проблемы изучения Лермонтова», она загорелась. Она решила исследовать проблему самую трудную: что представлял собой кружок шестнадцати молодых людей, собиравшихся в Петербурге осенью 1839 года. В этот кружок входил М. Ю. Лермонтов. Известно о кружке мало: такой кружок был, в него входили шестнадцать молодых аристократов, из которых известны имена десяти. С решимостью человека неопытного, с пылом почти фанатическим, с твердой верой, что именно ей удастся восстановить и состав кружка и судьбы его участников, Герштейн принялась за работу. Книжки? Из книг не удалось отыскать почти ничего. Архивы... Но для этого надо было просмотреть тысячи листов неизученных документов. И Герштейн стала поступать в архивохранилища на работу, чтобы получить свободный доступ к неразобранному фонду. Понадобилось знание иностранных языков — она изучила их. Четыре года упорства привели к почти непостижимой удаче: исследовательница выяснила, о чем спорили между собою члены кружка, нашла неизвестные воспоминания с подробной характеристикой каждого, поняла характер этих ежевечерних собраний, внесла новое в понимание лермонтовской поэзии.

Это одна из лучших работ о Лермонтове, прояснившая наши представления о среде, с которой он был связан в последние годы жизни. Сказать, что Герштейн собирала материал по крупице, нельзя. Крупица — слишком крупное измерение. Герштейн сопоставляла между собой послужные списки молодых офицеров, формуляры штатских членов кружка, чтобы выяснить, когда они могли оказаться вместе: в январе в Петербурге не было уже четверых из шестнадцати, в октябре еще не съехались остальные. За этой работой последовала блестящая реконструкция первой дуэли поэта — с сыном французского посла де Баранта, послужившей предлогом для новой ссылки, раскрытые причины и последствия этой дуэли. Потом исследовательница разоблачила легенду, сочиненную для компрометации Лермонтова, — о будто бы распечатанном пакете и прочтанных письмах, которые поэт согласился передать своему будущему убийце.

Потом ей удалось обнаружить ненапечатанную статью писателя А. В. Дружинина, который в начале 50-х годов прошлого века побывал на Кавказе и познакомился с людьми, близко знавшими Лермонтова. Один из них особенно был предан поэту — Руфин Дорохов. От него Дружинин услышал умнейшие суждения о характере поэта, узнал неизвестные факты, бросившие сильный свет на обстоятельства последней дуэли. Находку эту, составившую драгоценное пополнение скудного фонда мемуарных свидетельств, Герштейн обработала с присущей ей тонкостью и остротой, сделал из пересказа Дружинина важные выводы. Потом, все более убеждаясь, что трагический исход лермонтовской судьбы был предсказан в Петербурге и что Лермонтова убили с ведома императора, — то, к чему своим путем подошли и другие биографы, — она решила исследовать документы царской семьи. Подробные записи, еще

никогда не прочитанные, хранят дневники Александры Федоровны, жены Николая I.

Дневники — это крошечные альбомы, в которые микроскопически мелким почерком императрица вносила записи, касающиеся придворной и своей личной жизни, причем писала слова попеременно — по-немецки и по-французски, сокращенно и неразборчиво. Чтобы прочесть все это с помощью сильной лупы, нужны месяцы, годы. Герштейн сумела разобрать этот «бисер», извлекая из него много нового. Выяснилось, что императрица испытывала постоянный и напряженный интерес к поэзии Лермонтова и воспринимала ее совсем по-другому, нежели ее венценосный супруг. Потом исследовательница обратила пристальное внимание на пасквиля, направленный против Лермонтова — повесть «Большой свет» Владимира Соллогуба. Потом... Но эти «потом» продолжались без малого тридцать лет. И чтобы создать всю первую книгу, Герштейн сплетала ее каркас почти всю свою жизнь.

В этом нет ничего удивительного — не было в русской литературе поэта более сложного для исследования. В продолжение столетия старательно создавался образ, не имеющий с историческим Лермонтовым ничего общего. Когда же пришел срок для расшифровки исторической тайны, передпросить свидетелей было уже невозможно. Но, как говорит в одной из своих статей Александр Александрович Блок. «Лермонтову надо задавать те вопросы, которые задавала ему современность, на них он давал замечательные ответы». Далеко не каждому, даже талантливому исследователю удается задать Лермонтову эти вопросы. Эмме Герштейн это дано. Она одарена счастливой способностью артистически вживаться в эпоху, читать и понимать поэзию так, как читали и понимали ее современники, учитывая при этом разницу их положений, вкусов, взглядов, степени их дарований. В этом живом ощущении времени Герштейн очень сильна. И не соглашаясь с ней иной раз в конкретном истолковании факта, почти всегда остаешься с ней вместе на почве исторически верного ощущения целого в подходе к событию, к человеку, к характеру. Если можно применить здесь термины известной детской игры «холодно — горячо», то с Эммой Герштейн попадаешь всегда в жаркую близость к действительно историческому событию, всегда она ведет тебя к разгадке темных или загадочных обстоятельств, к объяснению причин столкновения, к новому пониманию подтекста. При этом ей свойственны столь страстные поиски исторической истины, что забота о непогрешимости собственного авторитета ей, кажется, не приходит в голову. Убедившись в не обоснованности своего вывода, она первая от него смело откажется.

Так, зная, что повесть Соллогуба была сочинена по заказу членов царской семьи, она заподозрила, что Лермонтовым была увлечена Мария — старшая из дочерей императора. И что, не добившись внимания поэта, она инспирировала пасквиль с целью унижить Лермонтова в глазах великосветского общества. На эту тему Герштейн в свое время опубликовала статью. Прочитав дневники императрицы, она предлагает взамен другую гипотезу. Может быть, она снова заходит слишком далеко и чересчур смело интерпретирует интерес императрицы к поэзии Лермонтова. Но дело не в этом: направление выбрано верное — разгадка важных событий таится где-то рядом с этими фактами.

В 1940 году Герштейн утверждала, что кружок шестнадцати не был воспринят правительством Николая I как политический и удален из столицы не был: молодые люди уехали на Кавказ, движимые корпоративным чувством. Теперь на основании собранных ею дополнительных материалов она утверждает обратное. Я лично не согласен с этой новой трактовкой, считаю, что Герштейн безосновательно отказалась от прежнего своего утверждения. Не согласен я с ней и в оценке «Кавказца» — очерка,

в котором она вдруг увидела пародийное изображение кавказского офицера! Тут ход ее мыслей выглядит крайне неубедительно и натянуто, точно так же, как и в созданной ею схеме, согласно которой образ воздушной красавицы в неоконченной повести «У графа В... был музыкальный вечер» воспроизводит будто бы черты Софьи Михайловны Виельгорской, вышедшей замуж за Соллогуба. Но даже в тех случаях, когда нельзя согласиться с ней, вы признаете пользу ее концепций, ибо она всегда выдвигает животрепещущие проблемы. И в этом, быть может, самая сильная сторона ее книги.

Все, о чем в ней рассказано, следует одно за другим, вытекает одно из другого — это цельное сочинение, написанное слогом точным, живым, великолепно построенное, имеющее свой стиль, свой внутренний «сюжет», свое «полифоническое развитие». Обращаясь к побочным темам, автор все время возвращается к основной, вводя в окружение поэта новых людей, продвигая вперед «интригу». Все конкретно, все насыщено новыми фактами. Время действия — последние годы жизни поэта: 1838 — 1841. Расцвет его творчества по возвращении из первой ссылки. Содержание — атмосфера, окружавшая его в Петербурге, в которой писались «Дума», «Герой нашего времени», «1 января», «Родина», «Прощай, немытая Россия», «Спор», «Кавказец»... Литературные связи. Споры, из которых рождаются гениальные отклики на самые острые темы жизни современного общества. Стихи с полемикой скрытой. И нескрываемый вызов. Друзья и враги. Травля скрытая. И нескрываемое стремление двора дискредитировать поэта. Исполнители казни. С каждой главой все более раскрывается своеобразие поэзии Лермонтова, выясняется роль, которую он играл в жизни общества.

Читатель проникается ощущением остроты проблем, волновавших поэта, соотносит сообщенные ему новые факты из жизни Лермонтова с его стихами и прозой. И остается под впечатлением открывшейся ему новизны этого творчества. Впрочем, перечисленные здесь находки автора не исчерпывают содержания книги, ибо каждая из девяти глав состоит не из одного, а из множества тонких открытий и наблюдений. Так, стихотворение «Валерик» относят к 1840 году, а Э. Герштейн убедительнейшим образом доказывает, что оно создано летом 1841-го. Ее доводы кажутся мне бесспорными, стихотворение с легкостью «вписывается» в творческие итоги последних месяцев Лермонтова. А «Пленный рыцарь», который точно так же отнесен ею в 1841 год! А послания к гусару Н. И. Бухарову! Все становится на свои места, начинает сверкать еще ярче, осмысленнее работой истолкователя.

Но вспомним, что, приступая к исследованию, Герштейн никогда не может сказать наверняка, удастся ли ей добыть неизвестные факты. Или долгие годы труда будут истрачены впустую, безрезультатно. Какое научное учреждение планирует такую работу? Герштейн ведет ее всегда с риском ни к чему не прийти, отдавая ей все время, все силы, довольствуясь только самым необходимым. О, я хорошо понимаю ее! И думаю, что она не жалеет об этом. Потому что нет большего интереса, чем открывать неоткрытое. И большей награды, нежели сознание, что сделанное не исчерпывается новыми фактами, которые перейдут завтра в работы других. Но что написана книга, которую еще долго будут читать с интересом и благодарностью, потому что в ней отразился Лермонтов, отразилось наше отношение к нему, время наше, впервые сумевшее прочесть эту прекрасную и трагическую судьбу.

